

Е. В. Гусарова

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПЛАН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 1753 г. — МАХАЕВСКИЙ ИЛИ ТРУСКОТТА?

Из названия статьи понятно, что речь в ней пойдет о попытке переименования одного из самых знаменитых планов Петербурга — того «прекраснейшего», как определяют его переименователи, «одного из самых популярных в России и в Европе», что «вошел в историю, — признают они же, — как “план Махаева”»¹ (рис. 1).

Сложившуюся традицию такого именования плана они относят к «крупнейшим историческим недоразумениям (здесь и далее курсив мой. — Е. Г.)»².

«План следует называть “планом Трускотта”», так как он «исполнен не Махаевым, рисовальщиком, словописцем и художником», который «выполнил на плане только надписи, а также подготовил уникальные рисунки — градостроительные иллюстрации к плану»³; «автором этого

¹ Семенцов С. В. Планы Санкт-Петербурга и карты Санкт-Петербургской губернии как важнейшие источники // Собрания карт Санкт-Петербурга в библиотеках, архивах и музеях: Материалы 5-й конференции по информационным ресурсам петербурговедения (10 марта 2010 г.). СПб., 2010. С. 10.

² Там же.

³ Имеются в виду 12 перспективных видов Петербурга, знаменитые изображения российской столицы Елизаветинского времени. Первоначально эти «проспекты» предполагалось поместить на одном листе с планом, расположив вокруг него, но затем они были награвированы на отдельных листах, составивших с планом единый альбом.

Рис. 1. «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших оного проспектов, изданный трудами Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге». Составители: И. Ф. Трускотт и другие. Художники: М. И. Махаев и другие. Граверы Академии наук под руководством С. И. Соколова. 1753 г.

плана был топограф и картограф И. Ф. Трускот», — аргументирует С. В. Семенцов⁴.

Хотя план продолжают называть традиционно — Махаевским, тем не менее ситуация начала меняться: новое название фигурирует в ре-

⁴ Семенцов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А. Санкт-Петербург на планах и картах первой половины XVIII века. СПб., 2004. С. 182. Более осторожно выражается Т. П. Мазур: «План исполнен под руководством И. Ф. Трускотта» (Мазур Т. П. Санкт-Петербург на картах и планах, хранящихся в фондах РГА ВМФ // Собрания карт Санкт-Петербурга в библиотеках, архивах и музеях... С. 116). О. А. Красникова, называя рассматриваемый план «известным в современной историографии как «план Трускотта», скорее выдает желаемое за действительное (Красникова О. А. Планография Петербурга // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. СПб., 2003. Т. I. Кн. 2. С. 141), в то время как ее единомышленники формулируют ровно наоборот: «План И. Ф. Трускотта, более известный в литературе как «план Махаева» (Семенцов С. В., Красников О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А. Санкт-Петербург на планах и картах первой половины XVIII века... С. 3).

принтном издании, выпущенном издательством «Альфарет» в 2007 г.⁵, в статье Ф. М. Лурье 2011 г.⁶, работе Е. Ю. Басаргиной⁷, разумеется, в Википедии и т.п.⁸ (Еще дальше по пути избавления от «исторических недо-разумений» продвинулись составители фундаментального словаря “Les Français en Russie au siècle des Lumières...” («Французы в России в век Просвещения»): в качестве автора рассматриваемого плана там указан Joseph Valeriani (Джузеппе Валериани) — итальянский художник-перспективист, «оперного дому машинист», служивший декоратором при русском дворе и по контракту обучавший рисовальщиков Петербургской академии наук правилам перспективы и оптики⁹.) Да и сама я использовала предлагаемое новое название плана в одном из своих опусов, опрометчиво поверив коллегам на слово — ведь они специализируются в истории картографии Петербурга. Однако столкнувшись с изложением аргументации такого переименования, обнаружила ее неубедительность. И тогда, следуя призыву С. В. Семенцова «исследовать неповторимые исторические биографии рассматриваемых картографических документов», обратилась к литературе и источникам — как опубликованным, так и архивным.

* * *

Что нам сегодня говорит литература о Трускотте?

О. А. Красникова пересказала в 1999 г. на трех страничках известные сведения о нем и добавила несколько извлеченных из архивных документов подробностей, заметив, что другие «еще предстоит выяснить». Тем не менее охарактеризовала своего героя по «немногим», как она признала, приведенным ею фактам «замечательным картографом» и на-

⁵ План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших одного проспектов, изданный трудами Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге / Вст. ст. М. А. Алексеева; коммент. Ф. М. Лурье. СПб., 2007.

⁶ Лурье Ф. М. План столичного города Петербурга с изображением знатнейших одного проспектов // Антикварное обозрение. 2011. Февр. № 1. URL: <http://alfaret.ru/about/97.pdf> (дата обращения: 20.02.2015).

⁷ Басаргина Е. Ю. Проекты академического городка на Стрелке ВО в XVIII в. URL: <http://ranar.spb.ru/rus/books6/id/588/print/> (дата обращения: 04.08.2015).

⁸ http://www.etomesto.ru/map-peterburg_1753.

⁹ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier. Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 1. Второй фронтиспис. URL: <http://c18.net/18img/francais-en-russie-2.pdf> (дата обращения: 01.09.2015).

звала «одной из самых малоизученных персон» среди сотрудников Академии наук XVIII в.¹⁰

Однако это не совсем так. Вклад Трускотта в академическую картографию в значительной степени изучен и оценен. В 1983 г. это сделал Ф. А. Шибанов в подробной, построенной на богатом архивном материале статье, включающей и биографические данные, и сведения о службе, и список печатных картографических трудов Трускотта. Подчеркнем важную для нашей темы информацию: Шибанов называет специализацию Трускотта среди сотрудников Географического департамента Академии наук — «картограф-*составитель*»¹¹.

Отдает должное Трускотту и В. Ф. Гнучева, как никто, пожалуй, изучившая деятельность Географического департамента по документам Архива Академии наук; ее труд по истории этого подразделения до сих пор остается основанием для всех дальнейших исследований в данной области, а ее мнение — авторитетным. В разрозненных сведениях Гнучева дает представление о «плодотворной и упорнейшей» работе Трускотта, служившего в Географическом департаменте почти 50 лет: «Его имя известно каждому, кто хоть немного знаком с картами, изданными Академией наук XVIII в. Почти половину выполнил он»¹². Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что главными качествами нашего героя В. Ф. Гнучева называет «добросовестность и прилежание», причисляет его к «работникам-исполнителям», называет «техником-картографом»¹³. Это прямо соотносится с тем фактом, что в ответ на известную челобитную 1758 г. он был повышен из адъюнктов в *титулярные советники*, а не в профессора, как положено в Академии наук, и на вопрос Сената дано разъяснение: «...оной Трускот <...> латинского языка не знает <...> употреблял себя в *практических* делах <...> не столько упражнялся в гуманиорах и филозовских науках, сколько требуется к званию профессора»¹⁴. Иначе говоря, Трускотт не был ученым-теоретиком — Гнучева не случайно отнесла его к «сильному *рабочему* составу ядра Географического департамента». Несмотря на то что ему довелось десятилетиями фактически

¹⁰ Красникова О. А. Картографические работы И. Ф. Трускота в Географическом департаменте Академии наук // Петербургские чтения — 98–99. СПб., 1999. С. 69–72.

¹¹ Шибанов Ф. А. И. Ф. Трускотт, адъюнкт Географического департамента Академии наук XVIII в. // Известия ВГО. 1983. Т. 115. Вып. 6. С. 525–531.

¹² Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. // Труды Архива Академии наук СССР. М.; Л. 1946. Вып. 6. С. 47.

¹³ Там же. С. 58.

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 229. Л. 206, 207, 208.

возглавлять Географический департамент, «вверенный его попечению» за отсутствием ученого-географа или по безынициативности формального главы, Трускотт довольствовался лишь административными и хозяйственными заботами, о чем свидетельствуют его доношения «о делах и нуждах» подразделения¹⁵. «Он не желал или не умел стать чем-нибудь более ответственным»¹⁶. Всякий раз, когда Географический департамент оказывался без деятельного научного руководителя (Ж.-Н. Делиль в свое время отстранился, Г. Ф. Миллер уехал в Москву, астрономы Х. Н. Винстейм и А. Н. Гришов географическими делами не интересовались), научная жизнь в подразделении замирала, хотя оно оставалось на попечении опытного служаки Трускотта. Наконец, характеризуя известные предложения Трускотта–Шмидта от 26 мая 1765 г. по улучшению работы Географического департамента¹⁷, В. Ф. Гнучева констатирует, что в них «нет представления о научной картографии», «никаких стремлений к новым научным и точным данным, к постановке новых астрономических определений», что авторы «сводят работу к чисто технической обработке материалов», а «обучение ограничивается копированием», и добавляет: «Документ характеризует их *личный кругозор, ограниченный узкими рамками выполнения текущих работ*»¹⁸.

Э. П. Карпеев в «Ломоносовском словаре» кратко повторяет о Трускотте основные сведения В. Ф. Гнучевой, добавляя, что Ломоносов «обязал его и Шмидта считать своей главной работой составление нового “Российского атласа”», а также «обучать геодезистов»¹⁹.

Заметим, что ни то, ни другое исполнено не было: ни нового атласа, ни новых отечественных кадров тогда, как известно, не появилось. И более того, сразу после смерти Ломоносова Трускотт и Шмидт предложили выписать специалистов из-за границы²⁰.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 80. Л. 134; Д. 91. Л. 256–262; Д. 95. Л. 132–133; Д. 109. Л. 10–11, 101; Д. 185. Л. 602; Д. 199. Л. 466–471.

¹⁶ Эти слова Гнучевой о ближайшем коллеге Трускотта по Географическому департаменту Я. Ф. Шмидте вполне относятся и к нашему герою (*Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук... С. 66–67*).

¹⁷ *Трускотт И. Ф., Шмидт Я. Ф.* Мнение, каким образом Географический департамент при Императорской Академии наук приведен быть может в лучшее пред нынешним состояние (см.: *Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук... С. 199–201*).

¹⁸ *Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук... С. 85–86.*

¹⁹ Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Авт.-сост. Э. П. Карпеев. СПб., 2012. URL: <http://karpeev.com/pdf/dictionary.pdf> (дата обращения: 15.09.2015).

²⁰ *Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук... С. 85–86.*

* * *

Литература о М. И. Махаеве не в пример обширнее — от сведений в «Записках об изящных искусствах в России» современника Штелина²¹ до фундаментальных монографий М. А. Алексеевой (2003)²², К. В. Малиновского (2003²³, 2008²⁴), посвятивших теме более 20 и 30 лет соответственно. В XIX в. о Махаеве писали историк Петербурга (П. Н. Петров²⁵) и знаток русской гравюры (Д. А. Ровинский²⁶). Позже его не обошли вниманием авторы Серебряного века (И. Э. Грабарь²⁷, Н. Н. Врангель²⁸, С. Р. Эрнст²⁹, А. Н. Бенуа³⁰, Ф. Ф. Бернштам³¹); с 1930-х годов изучали советские искусствоведы (М. С. Коноплева³², М. А. Ильин³³); в 1950-х годах появляется первая монография (Ю. И. Герштейн³⁴), тогда же его творчество включается в историю русского пейзажа (А. А. Федоров-Давыдов³⁵, А. А. Сидоров³⁶); в 1968 г. выходит альбом махаевских видов

²¹ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / Сост., автор предисл. и пер. К. В. Малиновский. М., 1990. Т. 1. С. 59.

²² Алексеева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка XVIII века. СПб., 2003.

²³ Малиновский К. В. Петербург в изображении М. И. Махаева. СПб. 2003.

²⁴ Он же. Михаил Иванович Махаев. СПб., 2008.

²⁵ Петров П. Н. Редкие гравюры // Иллюстрация. 1861. Т. 8. № 198. С. 354.

²⁶ Ровинский Д. А. Академия художеств до времени императрицы Екатерины II // Отечественные записки. 1855. № 10. Отд. 2. С. 43–76; Он же. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895. Т. 1. Стб. 89; Т. 2. Стб. 647.

²⁷ Грабарь И. Э. История русского искусства. М., 1910. Т. 1. С. 115–116.

²⁸ Врангель Н. Н. Первые годы академической школы // Русская академическая художественная школа в XVIII в. Л., 1934. С. 26.

²⁹ Эрнст С. Р. М. И. Махаев // Русский биографический словарь. М., 1999. Т. «Маак–Мятлева». С. 125–126.

³⁰ Бенуа А. Н. Русская школа живописи. СПб., 1904. С. 10.

³¹ Бернштам Ф. Ф. «Акад. наук. ландкарт. грав. и в перспективе М. Михайла Махаев» и четыре изображения знатнейших проспектов столичного города Санкт-Петербурга, снятые им и апробованные гг. Дж. Валериани и Я. Штелином (из собр. кн. С. Н. Долгорукого) // Старые годы. 1907. Июль–сент. С. 404–412.

³² Коноплева М. С. М. И. Махаев // Труды Всероссийской Академии художеств. Л.; М., 1947. С. 87–98.

³³ Ильин М. А. Письма гравера М. И. Махаева // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10.

³⁴ Герштейн Ю. И. Михаил Иванович Махаев. М., 1952.

³⁵ Федоров-Давыдов А. А. Русский пейзаж XVIII — начала XIX в. М., 2005. С. 82–100.

³⁶ Сидоров А. А. Гравюра и рисунок первой половины XVIII в. // История русского искусства. М., 1960. Т. 5. С. 422.

Петербурга (Г. Н. Комелова³⁷), в 1971 г. — фундаментальная публикация документов (М. А. Алексеева³⁸), в 1978 г. — вторая монография (К. В. Малиновский³⁹), а в 1992 г. проходит выставка работ Махаева в мюнхенской Пинакотеке⁴⁰. Интерес к его творчеству не иссякает по сей день.

Как видим, Махаев — благодатнейшая тема для исследований, поскольку фигура неизмеримо более масштабная, нежели Трускотт. Вошедший в историю отечественного искусства в первую очередь как удивительной одухотворенности и высочайшего мастерства «видописец Петербурга», он проявил в своей деятельности и черты универсализма. Первоначально был принят знатоками гравюры за портретиста (в связи с гравированным портретом С. Л. Бухвостова). Попал в словари русских писателей (за книгу прописей «Азбука российская для письма»). Знаменитый мастер каллиграфии, много и успешно работавший в этой области, способствовавший «становлению русского гражданского шрифта». Как рисовальщик-перспективист оставил серии рисунков не только Петербурга и окрестностей, но и Москвы, Подмосковья, городов Поволжья. Как оформитель работал и в декоративно-прикладной области — расписывал табакерки, оформлял щиты для фейерверков, украшал церковную утварь, участвовал в проектировании триумфальных ворот, внутреннего убранства путевого дворца. Кроме того, зарисовывал экспонаты Кунсткамеры, учился рисовать «с живой модели». А еще оказался единственным русским художником XVIII в., чью обширную переписку сохранила история. Известно, что он стремился к знаниям, покупал книги из академической лавки в счет жалованья, составил и подписал в числе прочих уникальный в истории русского (только ли русского?) искусства XVIII в. документ, говорящий о профессиональном самосознании и достоинстве⁴¹,

³⁷ Комелова Г. Н. Виды Петербурга и его окрестностей середины XVIII в.: гравюры по рисункам Махаева. Л., 1968.

³⁸ Алексеева М. А. Документы о творчестве М. И. Махаева // Русское искусство XVIII — первой половины XIX в. Материалы и исследования. М., 1971. С. 238–294

³⁹ Малиновский К. В. М. И. Махаев. 1718–1770. Л., 1978.

⁴⁰ Harprath R. Sankt Petersburg und Umgebung in Russischen Veduten: 1753–1761. Zwei Kupferstichfolgennach Michail Ivanovic` Machaev / Ausstellungskataloge der Staatlichen Graphischen Sammlung München. München, 1992.

⁴¹ Граверы Академии наук в январе 1758 г. доносили о необходимости — в целях дальнейшего совершенствования мастерства, воспитания своего художественного видения — иметь «каждому своего искусства печатные абдюки (отпечатки. — Е. Г.), дабы мы, видя одного пред другим превосходное искус-

обучал учеников в Академии и дома, стал учителем для целого поколения мастеров.

Но что известно о роли Махаева в русской картографии?

Он действительно был не картографом, а «ландкартным мастером», ведущим гравером карт. 35 лет проработал в Ландкартной палате Академии наук, из них 27 лет возглавлял ее — мастерскую, где создавались русские печатные карты, резались гравюры с рукописных оригиналов для публикации; одно время эта мастерская даже входила в состав Географического департамента. Ранние сведения об академической службе Махаева, сохранившиеся в документах, как раз говорят о копировании им карт в Географическом департаменте⁴².

Благодаря М. А. Алексеевой, посвятившей раздел своей монографии этой сфере деятельности Махаева, мы имеем список из более чем 30 выявленных ею в картографических фондах махаевских карт и их описание «на основании соотнесения документов с существующими картами»⁴³. Узнаем о «значительной роли» Махаева «в русской картографии середины XVIII в.»⁴⁴: он был в числе создателей «Атласа Российского» 1745 г. — и русского, и латинского вариантов (гравировал, а также «иллюминировал» — раскрашивал акварелью — лучшие экземпляры⁴⁵), участвовал в других важнейших картографических «проектах» Академии, таких как «Карта русских открытий в Восточном море...» 1754 и 1758 гг., «Почтовая карта Российской империи», Карманный календарь для великого князя Павла Петровича, ставший «Карманным атласом Российской империи», и многие другие. Список Алексеевой дает представление о разнообразии картографических жанров, в которых работал Махаев: большие и малые карты стран, планы городов, схемы баталий, исторические карты. Отметим произведения, составленные и изданные по его собственной инициативе, «своим коштом», «по искреннейшей любви к Отечеству», как сам он признавался, — такие как «Карта Земли Обетованной... Географическое описание Палестины и Иудеи» и особенно «Линия баталии соединенных флотов, которые

ство, впредь наивящей успех оказать могли», на что последовало положительное решение: просителям — семерым граверам, подписавшим документ, — стали выдавать с тех пор «от каждой доски» по шесть экземпляров гравюр «в награждение безденежно» (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 228. Л. 80–81).

⁴² СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

⁴³ Алексеева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка... С. 29–41, 434–435.

⁴⁴ Там же. С. 14.

⁴⁵ Там же. С. 30–31.

под высокою Его Царского Величества Всероссийскою командою обрелись при Копенгагене августа 13 дня 1716 года...»⁴⁶ Вновь выявленные Алексеевой карты, гравированные Махаевым и его учениками, «существенно дополняют наше представление о русской картографии», опровергая «мнение о сокращении картографических работ Академии наук в 1750-е годы», демонстрируют, что полностью «его достижения в отечественной картографии до сих пор не учтены»⁴⁷.

Важное для нашей темы обстоятельство, на которое обращает внимание М. А. Алексеева: Махаев «по какой-то причине *не считал нужным подписывать* гравированные им карты»⁴⁸.

⁴⁶ О карте «Линии баталии...», называемой также «Союзные флоты», автор счел нужным сообщить на самой гравюре: «Сие безпримерное достопамятство с подлинных описаний от самоличных зрителей взято», — что справедливо связывают с личностью прадеда Махаева, «1-ого русского Салдата» С. Л. Бухвостова, к которому 11-летний правнук был привезен в Петербург и «по прозбе его ж принят учиться в Адмиралтейскую академию», откуда затем переведен в Академию наук. Происходивший из духовенства (отец и дед его были священниками), Махаев глубоко укоренен в русской традиции. Но вместе с тем благодаря общению со своим славным прадедом, участвовавшим «практически во всех военных кампаниях Петра I», состоявшим при царе в качестве «лейбшица» — стрелка, обязанного охранять его в походах и сражениях, художник живо воспринял и восторженное почитание самого Петра, и идеалы Петровской эпохи, ее представление «о трудах на пользу просвещения и Отечества». Махаевские инициативы по созданию и выпуску гравюр — как названных, картографических, так и другого жанра («Монархический колосс», «Азбука») — отмечены исследователями как «имеющие выраженный общественный характер и не находящие аналогий в среде его современников».

Попутно отметим, что Трускотт, будучи англичанином, родился в Петербурге, где его отец после службы во флоте владел винным погребком, что было обычным занятием английских моряков в отставке. Известно, что в доме Трускоттов квартировал академический астроном Винсгейм. Очевидно, именно он, заметив прилежного мальчика, способствовал его поступлению в академическую гимназию. Таким образом, в качестве картографа И. Ф. Трускотт сформировался целиком и полностью в России, в стенах Петербургской академии наук. Отец его служил во флоте боцманматом — помощником боцмана, то есть отвечал за «известное количество людей», «исправность нижних чинов и чистоту их одежды и артельной посуды», иначе говоря, не имел отношения к картографии, как если бы был, скажем, лоцманом, морским офицером и т.п. Таким образом, академический картограф Трускотт не был представителем английской картографической традиции, как можно было бы предположить, исходя из его происхождения.

⁴⁷ Алексеева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка... С. 41.

⁴⁸ Там же. С. 29.

* * *

Если говорить о плане Петербурга 1753 г., то история его создания совсем не плохо изучена. Еще П. Н. Столпянский в соответствующем разделе каталога знаменитой выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» изложил, хотя еще неполно и неточно, эту историю, опираясь на документы архива Академии наук, привел сведения о Махаеве (но не о Трускотте)⁴⁹.

В 1953 г. вышла статья Г. А. Князева, более 30 лет возглавлявшего Архив Академии наук в Ленинграде и использовавшего его документы в своем исследовании о Махаевском плане Петербурга⁵⁰. Фундаментальная работа Князева стала основой для всех авторов, обращавшихся к этой теме: Р. А. Соминой⁵¹, Н. К. Шаблаевой⁵², С. В. Семенцова и др.⁵³ Подробно, с обильным цитированием вводимых в научный оборот источников, рассказали о создании плана в своих монографиях о Махаеве М. А. Алексева⁵⁴ и К. В. Малиновский⁵⁵. Есть и отдельная статья М. А. Алексеевой об этом плане и проспектах в электронном варианте⁵⁶.

Отметим, что никто из писавших о рассматриваемом плане не заострял внимания на вопросе о его авторе *так*, как это делают мои оппоненты. В статьях обычно перечисляют имена исполнителей, среди которых называют и Трускотта, и Махаева, и гравера С. И. Соколова, и других. При этом в отношении Трускотта, как повторяют формулировку, фигурирующую на самом плане, — «чертил», так и используют

⁴⁹ Столпянский П. Н. Виды и планы городов // Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Отд. XV. СПб., 1912. С. 7–15.

⁵⁰ Князев Г. А. Академический план С.-Петербурга 1753 г. (историко-географическая справка) // Известия ВГО. 1953. Т. 85. № 3. С. 252–268.

⁵¹ Сомина Р. А. План Петербурга 1753 г. (издания Академии наук к 50-летию со дня основания города) // Петербург–Ленинград: Историко-географический атлас (часть первая). Л., 1957. С. 22.

⁵² Шаблаева Н. К. Печатные планы Петербурга–Петрограда. 1703–1917 гг.: Сводный каталог. Л., 1966. Т. 1. С. 30, 145–150. № 80.

⁵³ Семенцов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А. Санкт-Петербург на планах и картах первой половины XVIII века... С. 190–191.

⁵⁴ Алексева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка... С. 78–108.

⁵⁵ Малиновский К. В. Михаил Иванович Махаев... С. 33–40.

⁵⁶ Алексеева М. А. План столичного города Санктпетербурга с изображением знатнейших онаго проспектов изданный трудами Императорской Академии наук и художеств. URL: <http://www.raruss.ru/treasure/page2/1351-makhaev-plan.html> (дата обращения: 16.02.2015).

нейтральные — «исполнил»⁵⁷, «занимался составлением»⁵⁸. Есть и такие определения: «работа велась *под наблюдением* адъюнкта Трускотта»⁵⁹; «план создали русские ученые-картографы *во главе* с И. Ф. Трускоттом»⁶⁰. Приведем и утверждение М. А. Алексеевой: «План Петербурга 1753 года — произведение *коллективное*»⁶¹.

Особенно показательны, что все писавшие об этом плане, включая «переименователей», сообщают, что план *не был вполне оригинальным произведением*, что при его создании не проводилось «особой съемки», что он составлен на основе уже существовавших планов.

Об этом со всей убедительностью говорят первоисточники. Приведем для примера выдержку из записи в журнале Канцелярии Академии наук от 16 мая 1748 г.: «Хотя в прошлом 1736 году при Академии и вырезан санктпетербургской план на меди в большой александрийской лист, но понеже ныне намерено при Академии ж вырезать и на меди ж оной же план величиною близь осми александрийских листов, к чему потребен сочиненной городовой комиссиею большой арегинальной санктпетербургской план, которой находится в главной полицмейстерской канцелярии, чего ради от той канцелярии того плана требовать <...> чтоб оной на малое время отпущен был в Академию...»⁶².

Исследователи хорошо знают, что план 1753 г. составлялся на основе плана Петербурга 1737–1738 гг. (1736 г., указанный в цитированном документе, — неточность). Последний, начатый Академией наук в январе 1729 г., создавался 10 лет с перерывами и был завершён мощным волевым усилием Б. Х. Миниха под руководством «лейб-гвардии капитан-порутчика от бомбардир» И. Ф. фон Зихгейма, получившего в свое распоряжение большую команду исполнителей. В создание «плана Зихгейма» 1738 г. (и академического плана 1737 г. как его варианта) внесли свой вклад и академические специалисты, и архитекторы городской полиции, и военные инженеры⁶³.

⁵⁷ Шаблаева Н. К. Печатные планы Петербурга–Петрограда... С. 150.

⁵⁸ Малиновский К. В. Михаил Иванович Махаев... С. 40; Князев Г. А. Академический план С.-Петербурга 1753 г. ... С. 255.

⁵⁹ Князев Г. А. Академический план С.-Петербурга 1753 г. ... С. 255.

⁶⁰ Сомина Р. А. План Петербурга 1753 года... С. 22.

⁶¹ Алексеева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка... С. 85.

⁶² СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 117. Л. 228.

⁶³ Подробнее об этом см.: Гусарова Е. В. К истории создания первого академического плана Петербурга (о замысле Петра I, роли астронома Делиля и прочем) // Труды ГЭ. Т. 73: Петровское время в лицах–2014: К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014): материалы науч. конф. СПб., 2014. С. 131–149.

Тот факт, что «план Зихгейма» был использован для составления плана 1753 г., подтверждает и ориентация обоих планов на юг, что довольно редко встречается в картографии после эпохи петровских преобразований, хотя обычно для русских чертежей допетровского времени. Очевидно, для ускорения работы над новой редакцией плана решено было не менять ориентацию копии огромного рукописного чертежа 1738 г.

Вышеизложенное означает, что все писавшие о «Махаевском плане» не могли не знать о характере работы над ним Трускотта, не отдавать себе отчета в степени его авторства.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что Трускотт почти всегда работал под чьим-то «*смотрением*»: при создании «Атласа Российского» 1745 г. — под руководством Л. Эйлера, Г. Гейнзиуса, Х. Н. Винсгейма; над «Картой русских открытий в Восточном море...» 1754 и 1758 гг. — Г. Ф. Миллера; да и позже составлял карты вместе с Я. Ф. Шмидтом⁶⁴.

Вот и при создании плана Петербурга над ним стоял руководящий орган — Совецание по делам художественным (Собрание Академии художеств) — то самое Совецание, учреждение которого в 1748 г. называют реализацией замысла Петра I об Академии наук и художеств. Любопытно, что К. В. Малиновский даже считает, будто «непосредственным поводом для учреждения» этого «художественного департамента Академии наук» как раз и была «подготовка к изданию нового петербургского плана»⁶⁵. Протоколы заседаний Совецания (в составе «господ членов»: надворного советника Штелина, архитектора Шумахера, придворного художника Валериани, живописца Гриммеля), сохранившиеся в архиве⁶⁶ и цитируемые исследователями, дают представление о его руководстве: в отношении работы над планом оно было далеко не формальным. Именно члены Совецания «смотрели», насколько присланные из городской полиции чертежи «с нынешним состоянием» города «сходны». Они же сверяли копии с этих чертежей, сделанные подопечными Трускотта, с подлинниками. Они решали, в какой «манере» делать петербургский план, перебирая в качестве образцов недавние европейские планы: «новой берлинской» (план Берлина, гравированный при Берлинской академии наук Г. Ф. Шмидтом в первой половине 1740-х годов) или «большой парижской» (план Парижа Тюрго–Бретеза–Люка 1739 г.), и остановились на том, чтобы главные здания Петербурга

⁶⁴ См.: Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук... С. 97.

⁶⁵ Малиновский К. В. Михаил Иванович Махаев... С. 33.

⁶⁶ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 802. Л. 17–29.

представить на плане «в элевации», то есть в аксонометрической проекции, в объемном трехмерном изображении. Они же составили список таких объектов и направили в соответствующие ведомства запросы о присылке, «ежели в тех местах имеются», в Академию наук их чертежей — «грундрисов» (планов) и фасадов⁶⁷.

Именно Совещание коллегиально решило вопрос о масштабе плана: «Усмотрено, что по принятой величине онаго Плана Элевации на оном весьма малы будут, а когда формат онаго Плана еще больше увеличат, то уже План чрезвычайно велик будет; того ради найдено посредство, чтоб при той же величине онаго Плана части города, следовательно и Элевации, многим увеличить, а именно: чтоб со всех углов сего плана все пустые места и острова, на которых еще ничего не построено и к городу не принадлежит, *отрезать*, а потом остальную часть в прежней формат *увеличить*. План от того не токмо лутчее расположение и ситуацию получит, но и Элевации на одну пятую часть больше представлены быть могут; того ради адъюнкту Трескоту приказано для пробы приготовить новой План вышеписанным образом...»⁶⁸ Иначе говоря, сохранив размер («формат») оригинала, изменили масштаб нового плана, применив такой, при котором аксонометрические изображения зданий на плане получили оптимальную величину, позволяющую их рассмотреть⁶⁹.

И именно Совещанию принадлежит инициатива дополнить информацию «плана Захгейма», запечатлевшего город 10-летней давности, новыми данными, «которые на помянутом плане не означены», то есть разработанными с тех пор проектами реконструкции частей города, пострадавших от пожаров. Протокол Совещания от 10 августа зафиксировал распоряжение «изготовить новой план в такой же величине и на оном во первых начертить главное расположение сего города, а на перемену по нынешнему состоянию оставить белые пятна и <...> из Полиции требовать новой по нынешнему состоянию города сочиненной план»⁷⁰.

17 августа Трускотт, побывавший в чертежной «Главной Полиции» и обнаруживший подходящие материалы — «особливые исправные

⁶⁷ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 802. Д. 120. Л. 75.

⁶⁸ Там же. Д. 802. Л. 27–28.

⁶⁹ Уточним таким образом глубокоуважаемую М. А. Алексееву, считавшую, что этим была изменена *ориентация* плана (*Алексева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка... С. 81*).

⁷⁰ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 802. Л. 25, 25 об.

планы <...> новопостроенных <...> частей города», «покорнейше представил»: «Не соблаговолено ли будет из реченной Канцелярии требовать те части города, которые там на особливых листах находятся и на коих, как вероятно, все чиненные перемены назначены»⁷¹. На что Академия наук в тот же день отреагировала: «...А новопостроенным местам, ежели во оной Полиции есть особливые планы, те б для скопирования благоволила оная Полиция в Академию прислать незамедля»⁷². В известном издании «Реэстр ландкартам, чертежам и планам Российской империи, находящихся в Географическом департаменте при Императорской Академии наук» находим следы тех самых «особливых планов», что составлялись, как мы знаем, архитекторами «Главной Полиции» П. М. Еропкиным, М. Г. Земцовым и другими⁷³: «План Большой и Малой Коломны», «План от Гостиного двора до Вознесенской перспективы», «План Адмиралтейского острова», «План Крюкова канала к Галерному двору» (здесь же указан запрошенный Академией «от обер-архитектора де Растрелия» для той же цели «План Летняя дворца»)⁷⁴. Эти «следы», то есть оставшиеся в Географическом департаменте копии, подтверждают, что запрошенные чертежи были из полиции в Академию представлены и в составлении плана использовались.

В работе с подобным «полевым материалом», собственно, и заключалась функция Трускотта в Географическом департаменте: сам он территории не «снял», а копировал, проводил генерализацию (обобщение), «сводил» то, что присылалось с мест геодезистами или отбиралось в чертежных других ведомств, готовил все это к публикации. Нетрудно увидеть в перечисленных в реестрах XVIII в. рукописных «ландкарт» и планов, хранившихся в Географическом департаменте и дошедших частично до наших дней, исходные оригиналы тех печатных карт, что изданы Академией с пометкой «сочинял И. Трускот»⁷⁵. Судя по тому, что известно

⁷¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 117. Л. 236.

⁷² Там же. Л. 237.

⁷³ Об этой работе архитекторов «Главной Полиции» см.: Шилков В. Ф. Проекты планировки Петербурга 1737–1740 годов // Архитектурное наследство. М.; Л., 1953. Вып. 4. С. 7–13; Иогансен М. В. Михаил Земцов. Л., 1975. С. 108–113; Калязина Н. В., Калязин Е. А. Петр Еропкин // Зодчие Петербурга. СПб., 1997. С. 171–178.

⁷⁴ Реэстр ландкартам, чертежам и планам Российской империи, находящихся в Географическом департаменте при Императорской Академии наук. СПб., 1748. С. 8; См. также: СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1423. Л. 36. № 40–48.

⁷⁵ В «Ланткарте Иркутской губернии» геодезистов Михаила Кутузова, Петра Скобельцына, Ивана Свистунова, Дмитрия Баскакова, Василия Шатилова —

о его службе, он никогда не участвовал в экспедициях и едва ли покидал Петербург. Это был исключительно кабинетный картограф-составитель.

И в случае с рассматриваемым планом Трускотт не исполнял съемки Петербурга заново, а оперативно свел воедино материалы предшественников. Когда же стало ясно, что этих материалов не хватает, что запрошенных в ведомствах чертежей зданий, предназначенных для объемного изображения, недостаточно и понадобится «снимать» их с натуры — «послать некоторых <...> для рисования фасадов с церковей и всех протчих придворных и публичных строений», как гласит протокол Совещания, то «адъютнт Трескот представил, что *ему одному всех фасадов на плане начертить трудно и мешкательно* будет, а из протчих в Географическом департаменте находящихся студентов то учинить никто не в состоянии»⁷⁶, то есть от «съемки» и в этот раз уклонился.

Эту-то работу — с нуля, с натуры, а не с чужих оригиналов, — для плана 1753 г. и выполнял Махаев, а также два ученика Рисовальной палаты, о чем хорошо известно из документов⁷⁷ и книг М. А. Алексеевой и К. В. Малиновского. «Для внесения в санктпетербургской план многих публичных мест, их здания и виды рисовал», — гласит отчет художника за 1749 г.⁷⁸ Известно, что список этих объектов включал более 50 пунктов; сколько из них выполнил Махаев, а сколько — «рисовальные ученики», пока не установлено.

Мы уже знаем, что он не стремился подписывать свои работы, а значит, спокойно относился к вопросу авторства⁷⁹. Тем не менее с этим

«Генеральную карту Иркутской губернии» 1776 г., в чертеже «одной Якуцкой провинции» Михаила Кутузова — «Карту Восточной части Якуцкаго уезда» 1772 г., в «ланткарте Оренбургской экспедиции» Алексея Норова — «Карту Оренбургской губернии» 1772 г., в картах, поступавших с театра Русско-турецких войн в чертежную Инженерного корпуса и передававшихся на время для копирования в Географический департамент, например, «Original corrigé de la Carte des Operations militaires auquel en joins le Cuban» — «Карту, представляющую Кубань» 1783 г. и т.д. (см.: СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 171; Д. 172; Д. 227. Л. 3–4; Оп. 1. Д. 7. Л. 2; Список печатных трудов Трускотта см.: Шибанов Ф. А. И. Ф. Трускотт, адъютнт Географического департамента Академии наук... С. 531).

⁷⁶ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 802. Л. 25.

⁷⁷ О тяжелейших условиях этой работы свидетельствует челобитная рисовальных учеников Михаила Павлова и Федора Алексева, датированная зимой 1748–1749 гг. (СПФ АРАН. Ф. 3. Д. 125. Л. 440).

⁷⁸ Цит. по: Алексеева М. А. Документы о творчестве М. И. Махаева... С. 253.

⁷⁹ В отличие от иноземных коллег Махаева, таких, скажем, как упоминавшийся Дж. Валериани, потребовавший, чтобы на выпускавшихся Академией

вопросом определенным образом связана острейшая коллизия, приключившаяся летом 1748 г.

14 июля в связи с решением переиздать «санктпербургской план» в большем размере, чем предыдущий («имеет быть при Академии на меди вырезан вновь»), Академия постановила, что у исполнения сего «надлежит быть архитектору Шумахеру, адъютанту Трускоту и подмастерью Махаеву» — именно в таком порядке. В том же документе есть выражение: «показанному архитектору Шумахеру с товарищи...» — именно последнему выдали «билет» на право проведения работ для предъявления «Главной Полиции», чтобы от нее «запрещения не было»⁸⁰. В другом случае приказ Канцелярии Академии наук велит скопировать присланный из полиции план «адъютанту Трескоту, студентам Коврину, Кузнецову и подмастерью Полякову» — «под смотрением архитектора Шумахера»⁸¹. Таким образом, сначала во главе этой работы был поставлен архитектор И. Я. Шумахер (не потому ли М. С. Коноплева в 1947 г. сочла, что рассматриваемый план был «исполнен» именно Шумахером?⁸²). «Билет» на работы в городе был выдан 20 июля, а 30 июля датировано прошение Махаева, из которого следует, что за эти 10 дней произошло нечто, после чего «ландкартного художества подмастерье» оказался «под караулом в железах». Находясь в заточении, он просит «отпустить» ему «вину», а именно: «нехождение мое к положенному на меня делу» и «пьянство»⁸³.

Как такое могло случиться? Художник, рисовавший «из своей охоты» и на службе, и дома, «собственным чаянием, без всякого Академии наук иждивения» осваивавший все новые области искусства, увлеченный своим делом до одержимости, вдруг отказывается от интереснейшей работы. Человек, написавший о себе: «Я <...> хотя поднеси, кроме воды и пресного кваса, не пью»⁸⁴ (а знающая реалии его жизни как никто М. А. Алексеева

под его «смотрением» гравюрах надписи с его именем дублировались на европейских языках «для знания других в Европе ученых») (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 177. Л. 465–470).

⁸⁰ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119. Л. 280–281.

⁸¹ Материалы к истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 7. С. 566, 557.

⁸² Коноплева М. С. М. И. Махаев... С. 91.

⁸³ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119. Л. 427–531 об. — дело «По доношению подмастерья Махаева о свободе ево из желез и ис под караула и о прочем»; само доношение Махаева — на л. 528, 528 об.

⁸⁴ Цит. по: Алексеева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка... С. 281.

подтверждает: «В академических документах не встречается других сведений, бросающих тень на художника, и мы можем поверить его словам»⁸⁵), — вдруг впадает в пьянство. Чем это могло быть вызвано?

М. А. Алексеева отвечает: «Махаев неожиданно узнает, что к делу не только подключены, но и поставлены на первое место два мастера-иностранца — архитектор И. Я. Шумахер и картограф И. Ф. Трускот <...> И бесправный подмастерье <...> от работы отказывается», — она называет этот протест «своеобразной забастовкой»⁸⁶. «Это лишь предположение, — добавляет она, — но оно подтверждается тем, что после 2 августа, когда Махаев снова приступает к работе, непрошенные соавторы больше ни разу не упоминаются в делах»⁸⁷. К. В. Малиновский также считает, что причиной мог стать «какой-то конфликт в Академии», причем «должно было случиться что-то сильно повлиявшее на него, если после многих лет прилежной безупречной службы, едва начав заниматься интересной творческой работой, он вдруг махнул на все рукой и перестал появляться в Академии»⁸⁸.

Добавим, что едва ли Махаева мог так вывести из равновесия вопрос о том, кто главный. Его явно не влекли карьерные интересы — он творил самозабвенно, недаром о его трудах над планом и проспектами замечено, что «только одержимый мог за столь короткий срок осилить такой объем»⁸⁹. Скорее причиной срыва было нестерпимое, унижающее человеческое достоинство поведение новоиспеченного начальника. Мы знаем, с каким высокомерием порой относились иностранные специалисты Петербургской академии наук к своим русским собратьям. Чего стоит известное разъяснение физиком Г. В. Крафтом своего отказа в ответ на приглашение вернуться в Россию: «Не желаю находиться в параллели с господами Тредиаковскими, Тепловыми и другими», — он не верил в способность русских коллег «составить Академию» («знаю, что дело никогда не пойдет на лад»), сравнивал их с «выпущенными на волю подмастерьями, которые открывают лавку подле лавки своего хозяина» (здесь удивляет, помимо прочего, «лавочное» мировидение немецкого ученого)⁹⁰. «Пре-

⁸⁵ Алексеева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка... С. 281.

⁸⁶ Там же С. 72.

⁸⁷ Там же. С. 72–73.

⁸⁸ Малиновский К. В. Михаил Иванович Махаев... С. 40.

⁸⁹ Лурье Ф. М. План столичного города Петербурга... URL: <http://alfaret.ru/about/97.pdf> (дата обращения: 20.02.2015).

⁹⁰ Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 462–463.

небрежительное отношение» к русским художникам отмечает М. А. Алексеева и со стороны «ученого немца» Я. Я. Штелина, который «взирал» на них «с высоты своего величия»⁹¹. Если подобные, довольно крупные, фигуры проявляли себя таким образом, то что можно предположить о таком персонаже, как архитектор Шумахер, известном не только «архитектурной малограмотностью» и неоднократным плагиатом, но и «непорядочным поведением», за которое был исключен из Академии⁹²?

О том, что именно И. Я. Шумахер послужил причиной инцидента, может свидетельствовать и тот факт, что его, только что, 14 июля, поставленного во главе работ над планом Петербурга, а 20-го получившего «билет» на их проведение, уже 23 числа того же месяца срочно посылают в Москву⁹³. Создается впечатление, будто отослали виновника конфликта, чтобы вернуть к работе Махаева.

* * *

В связи с этой командировкой И. Я. Шумахера открывается любопытнейший факт, немаловажный для истории русской картографии середины XVIII в. Оказывается, тогда же, когда работали над Махаевским планом Петербурга, собирались выпустить и аналогичный план Москвы, о чем, насколько могу судить, до сих пор не было известно.

Вот что говорят документы: «Понеже за потребно разсуждено Московской план в большей величине на меди вырезать, того ради архитектору Шумахеру немедленно в Москву ехать и при нем рисовальному ученику Петру Гинесу и находящийся в Академии план (гравированный Мичуринский⁹⁴. — *Е. Г.*) с оригинальным (рукописным. — *Е. Г.*) московским снести и поверить...» — из резолюции академической Канцелярии от 23 июля 1748 г.⁹⁵ А вот из инструкции Канцелярии тому же И. Я. Шумахеру: «По приезде в Москву явиться тебе немедленно в Полицию и московской план копировать... Для скорейшаго снятия копии можно

⁹¹ Алексеева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка... С. 269.

⁹² Подробнее об этом см.: Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России... Т. 2. С. 245; Шилков В. Ф. Архитекторы-иностранцы при Петре I // Русская архитектура первой половины XVIII в. Исследования и материалы / Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1954. С. 165; Гусарова Е. В. К истории создания первого академического плана Петербурга... С. 135.

⁹³ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119. Л. 441–456.

⁹⁴ «План императорского столичного города Москвы, сочиненной под смотрением архитектора Ивана Мичурина в 1739 году» был награвирован в Петербургской академии наук в 1741 г.

⁹⁵ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119. Л. 442.

тебе взять несколько рисовальщиков, им за труды заплатить и оное на счет Академии поставить...»⁹⁶ Узнаем тот же алгоритм, что использовался при создании плана Петербурга: копирование рукописного оригинала предыдущего плана города, а дальше — сбор материалов для построения «элеваций» — трехмерных изображений важнейших зданий Первопрестольной. «Стараться тебе о снятии фасадов и чертежей императорских и публичных строений, також главнейших церквах и монастырей, — предписывает инструкция Шумахеру. — Ежели оных фасадов и чертежей достать нельзя, то снять тебе их самому или попросить кого другого то сделать за плату...»⁹⁷ Разве это не аналог работы над Махаевским планом?

Характерный штрих — то, как волюнтаристски-самонадеянно определяет это поручение сам архитектор Шумахер в рапорте от 25 июля: «Посылаюся в Москву для *сочинения* той Москве плана...»⁹⁸

31 августа он рапортует из Москвы о положении дел: «Понеже план по последнему пожару не совсем в порядок приведен и набело несрисован так, чтобы можно копию с него снять, то надлежит обождать, пока совсем готов будет. Между тем начал я некоторые главные церкви срисовывать, а как оным планы поспеют, то их прислать непременно»⁹⁹. И присовокупляет копию выданной ему московской полицией бумаги, аналогичной петербургскому «билету»: «Дабы посланному академическому архитектору Шумахеру в Москве сымать план безвозбранно...»¹⁰⁰

Однако далее наступает заминка. И. Я. Шумахер «исчезает из виду» — пренебрегает отчетами, которых требует от него Академия, и та вынуждена отправить в Москву «нарочно принятого в академическую службу регистратора Василия Иванова», дабы «увидеть ему архитектора Шумахера и истребовать у него» отчета¹⁰¹. Завершения истории архивные бумаги не содержат, но мы знаем, что плана Москвы в эти годы, да еще подобного Махаевскому, так и не появилось. Ни в списке

⁹⁶ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119. Л. 447.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. Л. 448.

⁹⁹ Там же. Л. 454.

¹⁰⁰ Там же. Л. 456.

¹⁰¹ Помимо подготовки плана, И. Я. Шумахеру было поручено приспособление под академическую книжную лавку некой «палаты» — «в Москве за Спаскими воротами», отданной в ведомство Академии наук для этой цели, а также «приискание под академическую книжную лавку способного двора» (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119. Л. 456).

картографических изданий Академии наук XVIII в. В. Ф. Гнучевой¹⁰², ни в фундаментальной «Библиографии печатных планов города Москвы» С. А. Клепикова¹⁰³, ни в Каталоге 1998 г.¹⁰⁴, ни в работе В. С. Кусова 2008 г.¹⁰⁵ сведений о таком плане нет¹⁰⁶. Совокупность же фактов, известных на сегодняшний день об архитекторе Шумахере, говорит о ненадежности его как исполнителя — «малоспособности», «нерадении», «неприлежном отправлении должности»¹⁰⁷.

Затянутый, как мы только что узнали, в 1748 г. план Москвы был выпущен Академией лишь через 15 лет — это известный «План царствующего града Москвы с показанием лежащих мест на тридцать верст вокруг». И сделан он вовсе не по материалам Шумахера и не таким, каким, судя по цитированным бумагам, задумывался¹⁰⁸. Копию с рукописного Мичуринского плана 1739 г. направил в июле 1763 г. в Академию из Москвы, где находился тогда двор, президент К. Г. Разумовский¹⁰⁹. Трускотт уменьшил копию для гравирования на одном листе¹¹⁰; Махаев исполнил к нему панораму «Вид Замоскворечья между Каменным

¹⁰² Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук... URL: <http://www.ranar.spb.ru/rus/books1/id/53/> (дата обращения: 20.01.2015).

¹⁰³ Клепиков С. А. Библиография печатных планов города Москвы XVI–XIX вв. М., 1956. С. 46–50.

¹⁰⁴ Москва на старых картах (XVI — первая половина XX в.) // Каталог планов Москвы. М., 1998. С. 30.

¹⁰⁵ Кусов В. С. Земли большой Москвы. Картографические произведения XVII–XVIII столетий. М., 2008. С. 46–53.

¹⁰⁶ Клепиков приводит лишь данные о датируемой им серединой XVIII в. перегравировке почти в тех же размерах плана Мичурина 1739 г., «выпущенной скорее всего В. Киприановым» (Клепиков С. А. Библиография печатных планов города Москвы... С. 48).

¹⁰⁷ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 64; Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953. С. 130; Гаврилова Е. И. О ранних проектах зданий АН // Русское искусство XVIII в. М., 1973. С. 63; Энциклопедия «Ломоносов». URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/kes-abc/kes/kes-2321.htm> (дата обращения: 15.09.2015).

¹⁰⁸ К работе над аксонометрическим, «по птичьему зрению», планом Москвы снова приступили лишь в конце XVIII в. (см.: Ильин М. А. «Фасадический» план Москвы М. Ф. Казакова // Архитектурное наследие. М.; Л., 1959. Вып. 9. С. 5–14).

¹⁰⁹ Алексеева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка... С. 196.

¹¹⁰ Вот как говорит об этой работе источник: «План города Москвы, уменьшенной с оригинального большого плана для вырезывания на меди Иваном Трескотом» (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2314. Л. 7).

и Живым мостами к полудню», а также, как справедливо считает М. А. Алексеева, решил общее оформление плана, в котором использовал тот же принцип «обманки», что в те же годы применялся им для украшения коронационных рисунков¹¹¹.

Для нас в истории появления плана Москвы 1763 г. важно следующее. К ней был причастен, как считается, и М. В. Ломоносов, поскольку он возглавлял в те годы Географический департамент, подписывал его материалы к печати, а значит, все они проходили через его руки. Поэтому данный план Москвы называют *Ломоносовским*¹¹². Подчеркнем — не Трускотта и не Махаевским, хотя они оба работали над планом... Быть может, подобные наименования закрепляются за произведениями в силу творческого *масштаба* того или иного автора, создателя, его значения в истории и культуре страны?

* * *

Возвращаясь к плану Петербурга и выражению М. А. Алексеевой, завершившему рассказ о коллизии лета 1748 г.: «...непрощенные соавторы больше ни разу не упоминаются в делах», — отметим, что оно относится к работе Махаева над *проспектами*. Что же касается *плана*, мы можем отнести это выражение лишь к архитектору Шумахеру. Трускотт же именно тогда — после «забастовки» Махаева и отсылки Шумахера в Москву — оказался во главе работы над планом.

Характер этой работы, степень авторства Трускотта своеобразно характеризует еще один штрих, запечатленный архивной бумагой. В ней, реагируя на вышеупомянутую челобитную Трускотта 1758 г. о повышении чина, в которой автор перечисляет свои труды и заслуги, один из членов академической Канцелярии, очевидно советник И. Д. Шумахер (брат архитектора)¹¹³, вычеркнул из текста Трускотта слово «сочиненной», употребленное последним в значении «сочиненной мною» в отно-

¹¹¹ Алексеева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка... С. 197.

¹¹² Москва на старых картах (XVI — первая половина XX в.) // Каталог планов Москвы... С. 30. № 27.

¹¹³ Можно не сомневаться, что редактирование этого текста — многочисленные вставки на полях, демонстрирующие как исчерпывающее знание положения дел в Академии, так и уверенный тон, — сделано рукой «статского советника Шумахера», подписавшего, как гласит регистрирующая запись в конце документа, наряду с «коллегским ассессором Таубертом», окончательный беловой вариант; то же подтверждает и почерк вставок (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 229. Л. 200).

шении «большого плана столичного города Петербурга»¹¹⁴. Оставив план в списке работ просителя, редактировавший заменил слово «сочиненной» нейтральным словом «печатный»¹¹⁵, указывающим, на наш взгляд, в данном случае на коллективный характер работы над планом. Выражение «сочиненной» однозначно подразумевало авторство¹¹⁶, а советник Шумахер, твердо державший руку на пульсе академических дел и особенно курировавший издания Академии, наверняка был хорошо осведомлен о перипетиях работы над таким важнейшим из них, как рассматриваемый план. И совсем не случайно на самом плане стоит: «*Чертил Академии наук адъютант И. Трускотт*». «Чертил», а не «сочинял». Не исключено, что эмоциональная реакция русского «подмастерья», защищавшего свое профессиональное и человеческое достоинство, запомнилась «всесильному Шумахеру» и заставила максимально корректно отнестись к обозначению роли Трускотта в создании плана Петербурга — как в рассматриваемой бумаге, так и на самой гравюре (рис. 2).

¹¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 229. Л. 199.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Легенды ландкарт XVIII в., а также описания в реестрах и каталогах, демонстрируют целый набор выражений, вполне определенно обозначающих функции лиц, чьи имена стоят на чертежах: «*учинена от генерала графа Миниха*» (о «Новой всей Российской империи генеральной карте» 1731 г.), «*собирана с разных карт геодезии прапорщиком Михаилом Пестриковым*» (о «Карте Уфимской провинции» 1736 г.), «*сочинен чрез г-на Шварца*» (о «Чертеже перспективном города Санктпетербурга» 1730-х годов), «*сочинены под смотрением профессора Делиля*» (о «Чертежах практических, показующих разстояние между Академической абсерватории и Петропавловской церкви» 1739 г.), «*получена чрез титулярного советника Ивана Трескота*» (о «Шведском старинном плане устья реки Невы до Нейшанцов» 1698 г.), «*оригинал присылан от кавалера да Бриня*» (о «Копии с карты Кубани и Крыма» 1730-х годов), «*описывал и сочинял геодезист Степан Чичагов*» (о «Карте Большой и Малой Кабарды» 1742 г.), «*оригинал присылан морским капитаном Элтоном, а сочинен геодезии прапорщиком Алексеем Норовым*» (о «Копии с ландкарты реки Яика» 1738 г.) и др. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1 Д. 2314. Л. 3; Оп. 10. Д. 7. Л. 2; Реэстр ландкартам, чертежам и планам Российской империи, находящихся в Географическом департаменте... С. 3, 7, 8, 57, 58 и др.). Историк отечественной картографии, пытаясь упорядочить это многообразие, выделил среди специалистов, действовавших в первой половине XVIII в., следующие категории: а) геодезистов, занимавшихся съемкой на местах; б) «составителей, сводивших» их материалы «в карты более обширных районов»; в) «копировщиков» (*Шафрановский К. И.* «Реэстр ландкартам, чертежам и планам» 1748 г. (к 200-летию со времени выхода в свет) // Известия ВГО. 1949. № 3. С. 321).

Рис. 2. Надпись на гравюре, обозначающая роль И. Ф. Трускотта в создании «Плана столичного города Санкт-Петербурга...» 1753 г.

Подобная надпись о Махаеве — там же, на гравюре, под нижней кромкой барочной рамы, — гласит: «Литеры грид[оровали]... художники под смотр[ением] подмастерья М. Махаева» (рис. 3). Очевидно, из этих данных и исходит С. В. Семенцов, когда пишет об участии Махаева: «Выполнил на плане *только надписи*» (удивительным образом игнорируя при этом значение стоящего здесь же, под рамой, определения роли Трускотта).

Однако мы знаем, что работа Махаева над планом заключалась далеко не в одних надписях. Его «участие <...> было значительно шире», — утверждает М. А. Алексеева¹¹⁷.

Здесь уже говорилось о работе над аксонометрическими изображениями важнейших зданий столицы (напомним строки из отчетов художника: «Для внесения в санктпетербургской план *многих* публичных мест, их здания и виды рисовал»; «врисовывал в тот план строения»). Насколько архитектурно грамотны и в высоком смысле художественны результаты этой работы, видно по изображению комплекса построек Петропавловской крепости, о котором точно известно, что его делал с натуры и «врисовывал в план» сам Махаев (рис. 4). По уровню мастерства, проработанности, одухотворенности ему близки виды «с птичьего зрения» таких важных объектов на плане, как Летний дворец Елизаветы Петровны (рис. 5), церковь Симеона и Анны (рис. 6), Морской и сухопутный госпиталь, Аничков дворец, Конюшенный двор и др. Здесь узнается тот же почерк и очевидна разница в сравнении с другими аксонометриями на плане, сделанными, как представляется, руками «рисо-

¹¹⁷ Алексеева М. А. Михайло Махаев — мастер видового рисунка... С. 85.

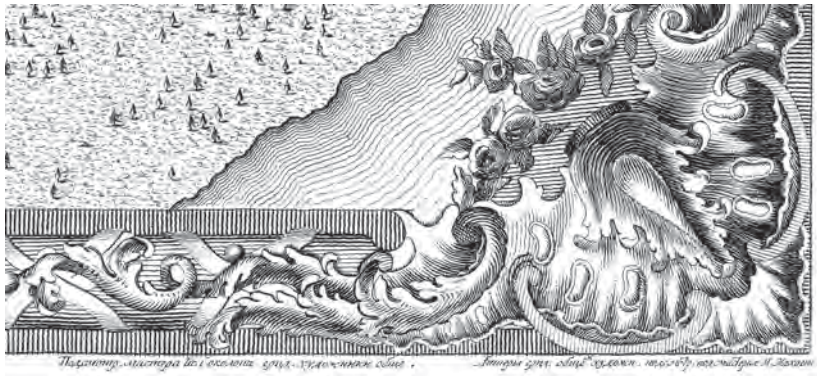

Рис. 3. Надпись на гравюре, обозначающая роль М. И. Махаева в создании «Плана столичного города Санкт-Петербурга...» 1753 г.

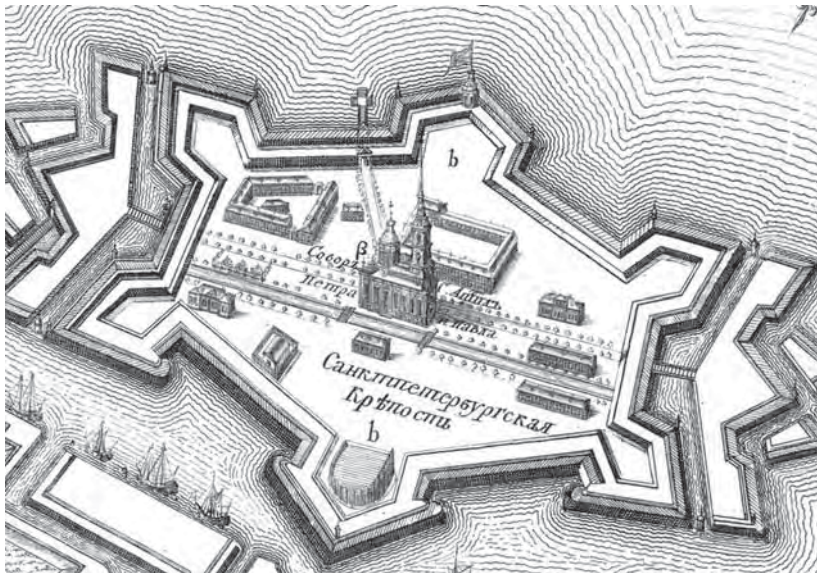

Рис. 4. Аксонометрическое изображение комплекса построек Петропавловской крепости на «Плане столичного города Санкт-Петербурга...» 1753 г. По рисунку М. И. Махаева

важных учеников», такими как изображения Шляхетного кадетского корпуса, зданий Академии наук, Гостиного двора на «Невской першпективе», хотя не они определяют образ плана в целом, а виртуозные махаевские «элевации».

Рис. 5. Аксонометрическое изображение Летнего дворца императрицы Елизаветы Петровны на «Плане столичного города Санкт-Петербурга...» 1753 г. По рисунку М. И. Махаева (?)

Рис. 6. Аксонометрическое изображение храма Семиона и Анны на «Плане столичного города Санкт-Петербурга...» 1753 г. По рисунку М. И. Махаева (?)

Заметим, что наличие аксонометрий выделяет академический план 1753 г. как среди предыдущих планов Петербурга, так и последующих (лишь «План Сент-Илера-Горихвостова-Соколова» стал незавершенной попыткой полностью аксонометрической планографии новой российской столицы), включает его в традицию подобных изображений на планах европейских городов, средневековых и Нового времени, а в некотором смысле отсылает и к физиограммам на русских допетровских чертежах.

Помимо «элеваций», Махаев, как известно из документов, исполнил на плане изображение еще одного важного архитектурно-градостроительного объекта — вида «Коллежской площади»¹¹⁸, представив не существовавший в действительности, но замышлявшийся парадный городской ансамбль, включающий конный памятник Петру I на фоне корпусов Двенадцати коллегий.

Но и это еще не все. «Автор оформления, рисунка картушей и рамы не упоминается в академических документах», — многозначительно на-

¹¹⁸ «На плане санктпетербургском рисовал коллегии» (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 18. Л. 3–6).

мекает М. А. Алексеева, и профессиональное чутье ее не подводит. Известно, что содержание картушей было поручено «сочинить» Я. Я. Штелину, и понятно, что речь в данном случае шла об *идейной программе*, о том, *что* изображать, — именно в этом заключались «инвенты», то есть изобретения, «профессора элоквенции», то есть красноречия, Штелина¹¹⁹. Можно предположить, что автором, решавшим, *как* изображать, то есть композиционно, графически воплотившим эту идейную программу, был тот же самый художник, известный как исполнитель важных элементов этих картушей. К.В. Малиновскому точно известно, что Махаевым были исполнены, помимо вида Коллежской площади, еще и пейзаж с Петропавловской крепостью в нижнем картуше (рис. 7), а также верхний картуш полностью — «помещенные в правом верхнем углу плана герб Санкт-Петербурга и атрибуты наук, художеств, торговли и военного дела»¹²⁰ (рис. 8).

Да и общая композиция оформления плана, его «расположение на плоскости с центром — Петропавловской крепостью, картушами слева внизу и справа вверху, нарядной, но неброской рамкой» — все то, за что его причисляют к «лучшим графическим произведениям этого жанра в Европе», — могло быть по плечу как раз такому художнику, каким в те годы в Академии наук был Махаев, не только «ландкартного художества мастер», не только рисовальщик-перспективист, но и работавший в самых разных жанрах художник-декоратор, оформитель.

Таким образом, участие Махаева в художественном решении плана Петербурга 1753 г. было, несомненно, определяющим, хотя степень его пока до конца не установлена. Именно художественные качества — барочная динамика и гармоническое равновесие в размещении украшений, свобода и легкость композиции, «сочетание точности и “приятства”»¹²¹, «парящий дух творчества»¹²² и утонченный артистизм графики — делают план не только картографическим документом, имеющим важное научное значение, но и прекрасным образцом барочной картографической культуры, выдающимся произведением русского искусства ломоносовского времени, одним из символов елизаветинского барокко. Очевидно, в силу *художественной значимости* плана, который

¹¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1 Д. 129. Л. 265–266.

¹²⁰ Малиновский К. В. Михаил Иванович Махаев... С. 86.

¹²¹ Определение, данное художественному впечатлению от рассматриваемого плана М. А. Алексеевой.

¹²² “Ubertreffenwollen” — так характеризует дух произведений Махаева немецкий исследователь Рихард Харпрат.

Рис. 7. Нижний картуш «Плана столичного города Санкт-Петербурга...» 1753 г.
По рисунку М. И. Махаева (?)

Рис. 8. Верхний картуш «Плана столичного города Санкт-Петербурга...» 1753 г.
По рисунку М. И. Махаева

к тому же неразрывно связан в нашем восприятии с великолепными махаевскими «проспектами», входившими в единый альбом, за ним и закрепились в истории название «Махаевский».

* * *

В заключение о Трускотте. Нет сомнений, что мы пока знаем о нем не все. Быть может, он и заслуживает своего рода памятника в виде наименования плана. Но для этого требуется более подробное изучение деятельности этого «замечательного топографа и картографа». Возможно, среди его работ найдется и такая, рассказ о которой — профессиональный и убедительный — обозначит ее в истории русской картографии как «план Трускотта». Попытка же сделать это путем ниспровержения памятника уже состоявшегося, вошедшего в историю под именем другого мастера, представляется неубедительной и контрпродуктивной¹²³.

¹²³ Отвечу здесь на вопрос, на который не имела возможности ответить на конференции. Да, я не составила ни одной карты. Более того — не построила ни одного дома и не проектировала городов, но позволяю себе судить об архитектуре и градостроительстве, ибо того требует моя профессия. Есть такая шутка: «Кто умеет — делает, кто не умеет — учит» (в данном случае — судит). Ее можно отнести не только к искусствоведам, филологам, музыковедам и т.п., но также и к историкам. Сошлюсь на пример коллеги Д. Н. Копелева, который, не захватив ни одного судна, дерзает писать об истории пиратства. Другой пример — академик Е. В. Тарле, не выигравший ни одного сражения, но писавший о Наполеоне. А также целый сонм историков, не объявивших ни одной войны, не осадивших ни одного города, не покоривших ни одного народа, но пишущих тома о войнах и полководцах. Подходя ближе к теме, напомним о В. Ф. Гнучевой, которая училась на историко-филологическом факультете, закончила высшие торгово-промышленные курсы, работала переводчиком, заведовала библиотекой, занималась вопросами лесного хозяйства, была архивистом, и о Г. А. Князеве, выпускнике историко-филологического факультета, историке и архивисте, — едва ли они имели практический опыт картографирования, тем не менее на их работы, указанные здесь, специалисты опираются по сей день.

Если же говорить всерьез, то к переходу на личности (к аргументам из серии «Ты кто такой?») прибегают тогда, когда нечего возразить по существу; в уважающем себя научном сообществе подобные приемы не применяются.